

«ПОЗВОЛИТЬ ПИСАТЕЛЯМ СВОБОДНО ОБЩАТЬСЯ С СОВЕТСКИМИ ЧИТАТЕЛЯМИ»: МАРИО ВАРГАС ЛЬОСА В ЗАЩИТУ АЛЕКСАНДРА СОЛЖЕНИЦЫНА

“Allow Writers to Communicate Freely with Soviet Readers”:
Mario Vargas Llosa in Defense of Alexander Solzhenitsyn

Кристина Романовна Буйнова

k.r.bujnova@inno.mgimo.ru

*Московский государственный институт международных отношений
(университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации
(Россия, Москва)*

Kristina Buynova

k.r.bujnova@inno.mgimo.ru

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO)
(Moscow, Russia)

ISSN: 1698-322X ISSN INTERNET: 2340-8146

Fecha de recepción: 17.05.2023

Fecha de evaluación: 16.12.2023

Cuadernos de Rusística Española n° 19 (2023), 171 - 186

РЕЗЮМЕ

В 1960-е годы Марио Варгас Льюса, еще не разочаровавшийся в социализме, эпизодически взаимодействовал с Союзом писателей СССР, следил за происходившими в советской литературной жизни событиями и живо реагировал на них. К тому моменту, как в 1967 году Александр Солженицын обратился к IV съезду писателей, призывая отменить всякую цензуру, у М. Варгаса Льюсы уже сложилось свое представление о советском контроле над литературой. Поэтому писатель не мог оставаться безразличным к судьбе коллег, борющихся с государственным контролем в литературе. Узнав о призыве Солженицына в 1967 году, Марио Варгас Льюса написал в знак солидарности эссе «Цензура в СССР и Александр Солженицын», перевод которого предложен в статье вместе с поясняющими комментариями. В эссе Варгас Льюса заявляет о принципиальной бессмысленности контроля над художественными произведениями. Писатель настаивает, что цензуру рождает иррациональный страх властей перед силой слова, а не реальная опасность, исходящая от текста. Работа написана на основе ранее не переведенных эссе Марио Варгаса Льюсы и с опорой на архивные материалы.

Ключевые слова: цензура в СССР, Марио Варгас Льюса, Александр Солженицын, Союз писателей СССР.

ABSTRACT

In the 1960s, Mario Vargas Llosa, not yet disillusioned with socialism, interacted occasionally with the Soviet Writers' Union, following and reacting vividly to developments in Soviet literary life. By the time Alexander Solzhenitsyn addressed the Fourth Writers' Congress in 1967, calling for the abolition of all censorship, Vargas Llosa had already formed his own view of Soviet control over literature. Therefore, the writer could not remain indifferent to the fate of colleagues struggling against state control in literature. When he learned of Solzhenitsyn's appeal in 1967, Mario Vargas Llosa wrote in solidarity an essay entitled Censorship in the USSR and Alexander Solzhenitsyn, whose translation is offered in the article together with

an explanatory commentary. In the essay, Vargas Llosa insists that censorship is born out of the authorities' irrational fear of the power of speech, rather than the real danger emanating from the text. The work is based on Mario Vargas Llosa's previously untranslated essays and on archival materials.

Keywords: Censorship in the Soviet Union, Mario Vargas Llosa, Alexander Solzhenitsyn, Soviet Writers' Union.

«Они любить умеют только мертвых!»¹

В годы оттепели, когда Советский Союз перешел к доктрине мирного сосуществования, расширил зарубежные связи, в том числе в литературной сфере, международное сообщество получило возможность более пристально следить за проблемой советской цензуры. Собственно для официального СССР цензура проблемой не была: она даже не отрицалась. Акценты были расставлены так: в буржуазном мире царит карательная *цензура*, которая запрещает прогрессивное, а в Советском Союзе установлен *государственный контроль*, который спасает от реакционного². По Конституции 1936 года свобода слова и свобода печати гарантировались не отсутствием цензуры, а «предоставлением трудящимся и их организациям типографий, запасов бумаги ... и других материальных условий»³.

В обмен на «условия» выдвигались жесткие требования. Но даже в годы оттепели они не обсуждались публично, пока в мае 1967 года вопрос цензуры в СССР впервые открыто не поставил Александр Солженицын⁴ (Горяева 2009: 338). На этот съезд Солженицына не позвали. Между тем с момента опубликования в «Новом мире» «Одного дня Ивана Денисовича» (1962), «Случая на станции Кочетовка» и

1. «Живая власть для черни ненавистна. / Они любить умеют только мертвых» — реплика царя Бориса из поэмы А.С. Пушкина «Борис Годунов». Ее вторую строку приводит в своем «Письме» к IV съезду писателей А.С. Солженицын, когда рассуждает о судьбе живого писателя в СССР (Солженицын 1998: 212).

2. Во втором издании Большой советской энциклопедии в статье «Цензура» основное внимание уделено истории угнетения свободы слова в «буржуазном мире» и царской России. О ситуации в Советском Союзе сказано следующее: «Конституция СССР в соответствии с интересами народа и в целях укрепления и развития социалистического строя гарантирует гражданам свободу печати. Гос. контроль установлен с тем, чтобы не допустить опубликования в открытой печати и распространения средствами массовой информации сведений, составляющих гос. тайну, и др. сведений, которые могут нанести ущерб интересам трудящихся». «Цензура» // Большая советская энциклопедия. 2-е издание. Т. 46. 1957. 669 с.

3. Статья 125 // Конституция (основной закон) Союза Советских Социалистических Республик. 1936.

4. Александр Исаевич Солженицын (1918–2008) — русский писатель, советский диссидент, автор «Архипелага ГУЛАГ», лауреат Нобелевской премии по литературе (1970). Участвовал в Великой отечественной войне (факт, который позже пытались опровергнуть его клеветники), в 1945–1953 гг. отбывал 8-летний срок в лагере. После возвращения из лагеря и ссылки писал, публиковался в «Новом мире» Александра Твардовского. Стал объектом общественной травли, запущенной ЦК. В 1967 г. обратился с открытым письмом к IV съезду советских писателей. Публикация этого письма за границей и широкая международная поддержка принесли Солженицыну известность на Западе. После получения им Нобелевской премии и публикаций за рубежом отношения писателя с властью еще больше обострились, и в 1974 г. он был арестован, обвинен в измене родине, лишен гражданства и выдворен из страны. Жил в Европе и США. Восстановлен в гражданских правах в 1990 г., вернулся в Россию в 1994 г.

«Матренина двора» (1963) Солженицын стал одним из самых читаемых писателей в стране; позже его рукописи имели широкое хождение в самиздате (Твардовский 1998: 308). Впервые по-новому рассказав историю ГУЛАГа, писатель быстро стал неудобен власти, и она способствовала развязыванию клеветнической кампании. Ее целью было подорвать авторитет Солженицына у читателя, объявить его трусом и вруном. Положение Солженицына было отчаянным. В мае 1967 г., когда состоялся IV Всесоюзный съезд писателей, на который автора «Одного дня» не позвали, Солженицын разослал в адрес съезда, а также еще по 250 адресам (Твардовский 2009: 39), письмо с протестом против цензуры. Письмо не было зачитано президиумом, но широко обсуждалось в кулуарах. Очень скоро оно оказалось в западной прессе.

Международная реакция не заставила себя ждать. Дело в том, что выступление Солженицына было логичным продолжением череды событий, связанных со свободой художника в СССР. В середине 1960-х литературный мир еще помнил о запрете в СССР романа «Доктор Живаго» и о том скандале, который разгорелся после присуждения Борису Пастернаку Нобелевской премии по литературе 1958 года. Его «дело» не прошло бесследно: международное сообщество показало большой потенциал к сплачиванию вокруг гонимых советских авторов. В 1963 году в результате международных протестов удалось выволочь из психиатрической больницы Валерия Тарсиса, который там проходил принудительное лечение (Серебрякова: 168). Окрыленные этим успехом, иностранные писатели активнее включились во внутреннюю советскую повестку. В 1964 году в СССР полетели письма в поддержку Иосифа Бродского. В конце 1965 — начале 1966 года, одновременно с оглушительным успехом голливудской постановки «Доктора Живаго» (реж. Д. Лин), который еще раз напомнил миру о судьбе Пастернака, прошел судебный процесс над Андреем Синявским и Юлием Даниэлем. Союз писателей засыпали «коллективками» из-за границы, и Секретариат СП всерьез обсуждал вероятность международного бойкота⁵, а готовившийся в конце 1966 года съезд писателей на всякий случай перенесли на май 1967 года.

Но майский съезд готовил новый неприятный сюрприз: главным событием на нем стало не зачитанное с трибуны письмо Солженицына. Оно вдохновило десятки писателей написать «коллективку» и несколько личных посланий (Чупринин: 922–928), вызвало поток писем в президиум и широкое обсуждение как среди советских писателей (Вайль, Генис: 298–299), так и среди приглашенных на съезд иностранцев⁶. По оценкам исследователей, развернувшаяся кампания стала самой энергичной коллективной попыткой «за всю историю советской подцензурной литературы перевести в публичный регистр обсуждения, характерные для бэкстейджей» (Кукулин, Майофис, Четверикова: 217)⁷.

5. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 631, оп. 27, ед. хр. 5.

Стенограмма заседания Иностранной комиссии по обсуждению работы за 1966 год.

6. Советские переводчики узнавали о существовании письма от обслуживаемых ими иностранных делегаций. РГАЛИ. Ф. 631, оп. 27, ед. хр. 223. Отчеты переводчиков об участии делегации латиноамериканских писателей Марии-Тересы Леон, Эльвио Ромеро, Хорхе Саламеа, Мигеля Отеро Сильва в работе IV съезда писателей СССР. Л. 2.

7. Интересно, что в этой попытке приняли участие даже литературные «генералы», которые привыкли

Волна солидарности скоро охватила и Запад. Одним из тех, кто написал публичное обращение в поддержку Солженицына, был молодой перуанский писатель Марио Варгас Льюса. Его реакции — реакции независимо мыслящего писателя тогда еще левых взглядов — мы и хотели бы посвятить эту статью.

В черно-белой шкале оценки перспективных контрагентов Марио Варгас Льюса относился Союзом писателей к лагерю «прогрессивных» писателей. На реакционных и прогрессивных деятелей культуры делила советская культурная политика. Прогрессивными назывались, во-первых, те, которые в своих произведениях призывали к социальной справедливости, а во-вторых, те, кого удалось «обольстить» примером воплощения этой справедливости в Советском Союзе⁸. В 1960-х годах у молодого поколения западных левых появился новый кумир — социалистическая Куба. На ее фоне, после оглушительных разоблачений сталинского режима на XX съезде, после дела Пастернака, Советскому Союзу становилось все тяжелее убеждать иностранную творческую интеллигенцию в превосходстве своего строя (Холландер 2001: 324). Да и западный мир, переживший катастрофу Второй мировой войны и живущий в условиях войны холодной, растерял былые иллюзии и уже не был так рад обманываться.

Марио Варгас Льюса, в молодые годы разделявший идеи социализма, к концу 1960-х годов стал отходить от этой модели (Albuquerque; Guarnieri Calò Carducci). Помимо его сложных отношений с кубинской революцией, разочарование вызывало и взаимодействие с Советским Союзом. Началось с советского издания «Города и псов»⁹. Книга пострадала от преследований в Перу, ходили слухи о ее сожжении перуанскими военными¹⁰. Советская критика категорически осудила варварство реакционной военщины и приветствовала молодого и бесстрашного автора (Певцов: 271), но в СССР роман вышел с купюрами. Перевод был выполнен Дионисио Гарсией и Наталией Трауберг с испанского издания, высланного в Иностранную комиссию СП в рамках книжного обмена барселонским издательством *Seix Barral*¹¹. Этот текст уже подвергся франкистской цензуре, однако по ее следам советские цензоры все же нашли «аморальных» эпизодов еще на несколько страниц¹² и вырезали их без согласования с автором. Для издательства это был единственный способ издать

«играть по правилам», например, К. Симонов. См. (Горяева 2009: 354–355).

8. О техниках и последствиях «обольщения» западных гостей написано немало научных трудов, некоторые из которых стали классическими. Большинство из них посвящено 1920–40-м годам, когда советский проект был еще молод и беспрецедентен. См. (Куликова 2003; Максименков 2004; Холландер 2001; Cauté 1988; David-Fox 2011; Hourmant 2000; Stern 2007).
9. Варгас Льюса, М. (1965). Город и псы. Пер. с исп. Н.Л. Трауберг, Д. Гарсия, предисл. Ф.Г. Светов. [М.] Молодая гвардия.
10. Безусловно, предполагаемое *auto-da-fé* принесло «Городу и псам» определенную репутацию и большую известность по всему миру. Тем не менее исследователи не находят подтверждения этому факту. См. (Aguirre 2015: 222–231).
11. РГАЛИ. Ф. 631, оп. 26, ед. хр. 2061. Переписка с издательством Сеис Баррал и др. об обмене книгами, издания в Испании произведений советских писателей. Л. 1–3.
12. По нашим подсчетам, произведенным при сличении оригинала и перевода, было вырезано эпизодов на 10–12 страниц. В сличении оригинала и перевода участвовали К. Буйнова, К. Агирре (Carlos Aguirre) и Д. Сеницына.

книгу вообще (Sherry: 744), но признаваться в этом иностранцу было недопустимо.

С точки зрения советского издательского дела, никакого согласования с иностранными писателями не требовалось, потому что работа цензора шла уже с переводным продуктом, на который авторские права иностранца не распространялись. Советские издательства вообще извлекали немало преимуществ из неприсоединения (до 1973 года) к Международной конвенции об авторском праве. Можно было, например, не покупать права на издание, не уведомлять о подготовке перевода правообладателя. Писатели часто узнавали о состоявшейся публикации на русском от знакомых или из прессы. Марио Варгас Льюса, по всей видимости, узнал о готовящейся публикации «Города и псов» случайно¹³ (Aguirre 2015: 248), скорее всего, от своего друга, испанского писателя Хуана Гойтисоло, который был в СССР в 1965 году и помимо прочего встречался с Дионисио Гарсией (Goytisolo: 512–513).

Между тем для западного интеллектуала, каким, несомненно, был перуанец Варгас Льюса (к тому моменту он уже давно жил в Европе), вопрос цензуры был напрямую связан с вопросом о свободе творчества. Его собственная история отношений с государственным контролем над литературой в разных странах не могла оставить его равнодушным к судьбам коллег, которым приходилось бороться за свое право писать без оглядки на чиновников. В 1966 году Варгас Льюса, как один из тех «писателей, которые верят в социализм и считают себя друзьями СССР», откликнулся на процесс Синявского и Даниэля (Vargas Llosa: 2012c). Узнав о притеснениях Солженицына из французской прессы, он опубликовал эссе «Цензура в СССР и Александр Солженицын» (Vargas Llosa: 2012a)¹⁴. Не известно, знали ли об этом сочинении, а также о статье в поддержку Синявского и Даниэля сотрудники Иностранной комиссии, в том же году пригласившие писателя в Москву. Еще недавно эти выступления могли быть расценены как «выпады» против СССР и закрыли бы их автору двери в страну. Но после череды громких кампаний 1966–1967 гг. (процесс Синявского–Даниэля, письмо Солженицына, «дело» Светланы Сталиной, процесс Гинзбурга–Галанскова) руководство СП было готово закрыть на это глаза: не выразивших протест иностранных писателей еще нужно было поискать¹⁵.

13. РГАЛИ. Ф. 631, оп. 27, ед. хр. 559. Отчет переводчика о пребывании в СССР Марио Льюса 25–30 мая 1968 года. Л. 2.

14. Интересно, что буквально в мае 1967 года в рупоре латиноамериканской левой прессы, газете «Марча», вышла статья Марио Варгаса Льюсы “*Epitafio para un imperio cultural*”, в которой автор говорит о полемике в западных кругах вокруг имени Солженицына. Согласно Варгасу Льюсе, еще в 1964 году одни писатели предлагали наградить советского автора премией *Prix International de Littérature* (награда, задуманная испанским издателем Карлосом Барралем и вручавшаяся в 1960-х как альтернатива не раз скомпрометировавшей себя Нобелевской премии), а другие уличали их в стремлении раздуть еще один литературный скандал, подобный делу Пастернака (Vargas Llosa 1967: 31).

15. РГАЛИ. Ф. 631, оп. 27, ед. хр. 5. Стенограмма заседания Иностранной комиссии по обсуждению работы за 1966 год. Л. 14–15; РГАЛИ, Ф. 631, оп. 27, ед. хр. 197. Отчет Иностранной комиссии о международных связях СП СССР с зарубежными странами за 1967 год. Л. 19. Существуют свидетельства, что даже Пабло Неруда пытался говорить о Солженицыне с Леонидом Брежневым, но тот остался глух к его аргументам (Pedemonte 2020: 139).

Марио Варгас Льюса побывал в Советском Союзе в мае 1968 года¹⁶, когда диалог между двумя мирами еще продолжался, а рукопожатность СП в глазах западной интеллигенции еще не была исчерпана. Впрочем, до этого момента оставалось недолго. 21 августа 1968 года на смену диалогу пришли советские танки. От Союза писателей СССР отвернулись даже его многолетние «друзья» и контрагенты: «и Грехем Грин, и Альберто Моравия, Артур Миллер и Генрих Бёлль, Петер Вайс и (Ханс Магнус) Энденсбергер и др.»¹⁷

Для Марио Варгаса Льюсы ввод советских войск в Чехословакию стал началом бесповоротного разочарования в социализме (Кохман: 12; Alburquerque: 282; Vargas Llosa 1983).

Сегодня нам кажется важным и своевременным предложить русскоязычному академическому сообществу перевод эссе Марио Варгаса Льюсы в защиту Александра Солженицына с поясняющими комментариями¹⁸. Комментарии приводятся поабзацно согласно оригинальному тексту.

Итак, эссе М. Варгаса Льюсы «**Цензура в СССР и Александр Солженицын**» начинается с пассажа, посвященного Светлане Сталиной.

Упреки Светланы Сталиной в адрес советских властей, связанные с их культурной политикой, нельзя принимать вполне всерьез, как нельзя принимать всерьез и ее обращение в религию и внезапный переход к ценностям «демократической» системы. Ее случай слишком напоминает сомнительные истории, которых было так много в тяжелые годы гражданской войны, когда некоторые «выбирали свободу», бежали на Запад и писали автобиографии, исходя ядом к СССР и настойчиво (иногда до смешного) воспроизводя клише, призывы и нападки самой оголтелой реакционной антикоммунистической прессы. Быть может, я к ней несправедлив и в одно прекрасное утро госпожа Сталина действительно проснулась и почувствовала в сердце своем зов и к Богу, и к либерализму, но те обстоятельства, в которых совершился ее невероятный побег, ее поведение в Нью-Йорке, ее заявления и то, как с ее согласия это дело используется врагами социализма, заставляют сильно сомневаться в ее искренности.

Комм. Светлана Аллилуева (1926–2011), прежде всего известная как дочь И. В. Сталина, была филологом и переводчиком. В 1962 году она крестилась в православную веру. В декабре 1966 года она уехала за границу и больше не вернулась. В 1967 году в Лондоне вышла ее книга «Двадцать писем к другу», в которой Аллилуева рассказала об отце и о жизни в СССР¹⁹.

То ли дело случай Александра Солженицына. Письмо, которое он направил делегатам IV съезда советских писателей, прошедшего в Москве 22–25 мая, и

16. Об этом визите см. (Буйнова 2021).

17. РГАЛИ. Ф. 631, оп. 27, ед. хр. 460. Отчет о международных связях СП СССР с зарубежными странами за 1968 год. Л. 11. Имя Грэма Грина часто неверно транскрибировалось как «Грехем».

18. Перевод выполнен К. Буйновой в 2022 году.

19. Alliluyeva, S.; Johnson, P. (1967). *Twenty Letters to a Friend*. London. Hutchinson. Биография Светланы Аллилуевой, полная домыслов и спекуляций, все еще ждет своего исследователя.

которое было позднее (31 мая) напечатано таким уважаемым изданием, как *Le Monde*, содержит в себе настолько тяжелые обвинения и настолько убедительные свидетельства против культурной политики советской власти, что это не может не встревожить и не огорчить писателей, особенно тех из нас, кто убежден, что революция принесла русскому народу огромные блага, и тех, кто верит в верность социалистического решения для проблем наших собственных стран. Я только что прочитал в *France Presse* сообщение из Москвы, в котором сообщается, что восемьдесят два советских писателя, включая Евтушенко, Вознесенского и Эренбурга, подписали заявление о необходимости общественного обсуждения письма Солженицына, и это — лучшее доказательство существования текста. Что касается правдивости содержащейся в ней информации, то кажется почти невозможным в ней усомниться: как и зачем стал бы писатель, живущий в СССР, выдвигать такие серьезные и прямые обвинения, если бы их было легко опровергнуть? Госпожа Сталина, находясь в безопасности своего убежища, может как ей угодно критиковать СССР и не подвергаться при этом никакому риску; но Александр Солженицын находится в трехстах километрах от Москвы, и его выступление принесет ему разве что много проблем, а вовсе не долларов; маловероятно, чтобы он решился на такой шаг, не будучи глубоко убежден в своей правоте.

Комм. Письмо Солженицына действительно было опубликовано в *Le Monde*²⁰ на французском языке. Ниже М. Варгас Льоса цитирует отрывки из этой публикации в переводе на испанский. Сообщение *France Press* появилось в том же *Le Monde* 9 июня 1967 года²¹, в нем говорится о призыве обсудить на съезде письмо Солженицына. Обращение было подписано почти 90 литераторами и передано в президиум 26 мая (съезд проходил 22–27 мая) (Чупринин: 924). Несмотря на то, что Вознесенский и Евтушенко выступали в защиту Солженицына, их подписей под этим письмом нет²². Илья Эренбург был тяжело болен, письмо не подписывал, в съезде не участвовал и умер 31 августа 1967 года. Упоминание этих трех фамилий, даже лишённое обоснования, объясняется, вероятно, авторитетом Эренбурга и популярностью молодых советских поэтов среди европейского (прежде всего франко- и испаноязычного) литературного сообщества.

Под «тремястами километрами от Москвы» подразумевается Рязань, где А. Солженицын жил и работал в те годы.

Послание Солженицына — это подробный анализ ущерба, который наносит советской литературе цензура, которая «осуществляет произвол литературно-неграмотных людей над писателями»²³. Солженицын обвиняет Союз писателей СССР в том, что он не защищал своих членов в сталинские времена, когда их отправляли в концентрационные лагеря или расстреливали. Припомнив злоупотребления,

20. Soljenitsyne a réclaté la suppression de toute censure et demandé à l'Union des écrivains soviétiques de Moscou de défendre les auteurs persécutés. *Le Monde*, le 31 mai 1967.

21. U.R.S.S. Quatre-vingt-deux écrivains demandent un débat public sur la lettre de Soljenitsyne. *Le Monde*, le 09 juin 1967.

22. В Президиум IV Всесоюзного съезда советских писателей. В кн.: Слово пробивает себе дорогу, 1998. С. 216–217.

23. Цит. по (Солженицын 1998: 211).

совершавшиеся в прошлом («мы узнали после XX съезда партии, что их было более шестисот — ни в чем не виновных писателей, кого Союз послушно отдал их тюремно-лагерной судьбе»²⁴, писатель обращается к современному положению в литературе. Советская Конституция не предусматривает цензуру, пишет он, и потому цензура незаконна. «Отличные рукописи молодых авторов, еще никому не известных имен, получают сегодня из редакций отказы лишь потому, что они “не пройдут”»²⁵. Из-за цензоров писатели, которые хотя и увидели свои книги в печати, часто «уступали в структуре и замысле своих книг, заменяли в них главы, страницы, абзацы, фразы. ... Именно лучшая часть нашей литературы появляется на свет в искаженном виде»²⁶. Литература, добавляет Солженицын, не может развиваться, руководствуясь категориями «разрешенного» и «запрещенного». Литература, которая не дышит одним воздухом с обществом, которая не может передать обществу свои страхи и свою боль, которая не может вовремя предупредить о нравственных и социальных угрозах, не заслуживает зваться литературой, — это всего лишь «косметика»²⁷. По вине цензуры, продолжает он, «наша литература утратила то ведущее мировое положение, которое она занимала в конце прошлого и в начале нынешнего века, и тот блеск эксперимента, которым она отличалась в 20-е годы. Всему миру литературная жизнь нашей страны представляется сегодня неизмеримо бедней, площе и ниже, чем она есть на самом деле, чем она проявила бы себя, если б ее не ограничивали и не замыкали»²⁸.

Комм. Перевод М. Варгаса Льосы через посредничество французского языка довольно точен, поэтому мы позволили себе приводить цитаты (здесь и далее) по оригинальному письму Солженицына (Солженицын 1998: 211–216). Сравнение некачественной литературы с косметикой перуанец передает в своем пересказе; точная цитата звучит так: «Литература, которая не есть воздух современного ей общества, которая не смеет передать обществу свою боль и тревогу, в нужную пору предупредить о грозящих нравственных и социальных опасностях, не заслуживает даже названия литературы, а всего лишь — косметики» (Солженицын 1998: 213).

Солженицын призывает IV съезд писателей «принять требование и добиться упразднения» всякой цензуры над художественными произведениями, и освободить издательства от обязанности получать согласие властей на публикацию любой книги²⁹. Он также предлагает сформулировать в уставе Союза писателей гарантии защиты членам СП, подвергшимся клевете и несправедливым преследованиям, чтобы «повторение беззаконий» стало невозможным.

Комм. Точная цитата: «Я предлагаю Съезду принять требование и добиться упразднения всякой — явной или скрытой — цензуры над художественными произведениями, освободить издательства от повинности получать разрешение на

24. Цит. по (Солженицын 1998: 214).

25. Цит. по (Солженицын 1998: 212).

26. Цит. по (Солженицын 1998: 212).

27. Цит. по (Солженицын 1998: 213).

28. Цит. по (Солженицын 1998: 213).

29. Цит. по (Солженицын 1998: 213).

каждый печатный лист» (Солженицын 1998: 213). Говоря о клевете и преследованиях, Солженицын приводит в пример судьбы М. Булгакова, А. Ахматовой, М. Цветаевой, Б. Пастернака, М. Зощенко, А. Платонова, А. Грина, В. Гроссмана (Солженицын 1998: 214).

Затем, в самых драматических строках своего послания, Солженицын объясняет свое положение. «Мой роман “В круге первом” <...> отнят у меня государственной безопасностью, и этим задерживается его редакционное движение. Напротив, <...> вопреки моей воле и даже без моего ведома, этот роман “издан” <...> “закрытым” изданием для чтения в избранном <...> кругу. <...> Мой роман показывают литературным чиновникам, от большинства же писателей прячут»³⁰. Он сообщает также, что вместе с этой рукописью у него отняли два литературных архива 15- и 20-летней давности, которые включали в себя тексты, которые писатель не собирался публиковать, и что «тенденциозные извлечения» из этих архивов в настоящий момент изданы ограниченным тиражом и распространяются в том же избранном кругу чиновников. «Уже три года ведется против меня, всю войну провоевавшего командира батареи, награжденного боевыми орденами, безответственная клевета: что я отбывал срок как уголовник, или сдался в плен (я никогда там не был), “изменил Родине”, “служил у немцев”. Так истолковываются 11 лет моих лагерей и ссылки, куда я попал за критику Сталина»³¹. Солженицын говорит, что он пытался ответить на клевету, обращаясь в Союз писателей и в прессу: СП не ответил на его письма, газеты не опубликовали его тексты. Затем он объясняет, что его вторая книга, рекомендованная к публикации московским отделением Союза писателей, была запрещена, и что его рассказы, вышедшие в «Новом мире» («Один день Ивана Денисовича», «Матренин двор»), не могут быть переизданы книгой. В то же время власти запретили ему «всякие другие контакты с читателями», включая «публичное чтение отрывков» или «чтение по радио». «Так моя работа окончательно заглушена, замкнута и оболгана»³².

Комм. Пропуски в тексте обозначены М. Варгасом Льосой.

«Редакционное движение» романа А. Солженицына «В круге первом» задерживалось не столько изъятием этой (и нескольких других) рукописи у ее автора, сколько отказом партийного руководства разрешать его публикацию. После изъятия (в сентябре 1965 года) ЦК КПСС издал закрытым тиражом «В круге первом» и «Пир победителей» для распространения среди номенклатуры с целью ее «ознакомления» (Чупринин: 725, 799).

Клевета против Солженицына действительно имела место и достигла огромных размахов. В письме в защиту коллеги Лидия Чуковская писала: «на специальных инструктажах планомерно, из году в год, распространяются о Солженицыне злобные выдумки: сотрудничал с немцами! был в плену! уголовник, блатной! шизофреник!» (Чуковская: 364). Александр Твардовский писал в дневнике, что Солженицын «доведен до отчаяния, терять ему нечего. Объявить человека *власовцем* и не давать

30. Цит. по (Солженицын 1998: 215).

31. Цит. по (Солженицын 1998: 215).

32. Цит. по (Солженицын 1998: 216).

ему возможности возразить, предоставить документы и т.п. Он был поставлен в условия вне закона. Хотим мы этого или не хотим, но речь идет об огромном таланте, по отношению к которому “мы” вели себя преступно» (Твардовский 2009: 39).

Это очень сухой пересказ пространного письма, но этого достаточно, чтобы судить о том, к какому абсурду, к какой несправедливости, искажениям и злоупотреблениям неизбежно приводит государственная потребность управлять и планировать творчество. Цензура увечит литературу и искусство с того самого момента, как вступает в силу. И кто же возглавляет этот институт? Ни один мало-мальски достойный писатель, ни один художник, всерьез относящийся к своему призванию, не согласится стать жандармом, инквизитором. Лишь бесчестные, посредственные, отчаявшиеся, лишь пигмеи литературы и искусства возьмут на себя, почти всегда под покровом анонимности, постыдный труд вычеркивать, вырезать, запрещать, решать, что аморально, что неверно, какие произведения должны быть отредактированы и опубликованы, а какие — запрещены. Противно даже вообразить себе количество, разнообразие, тошнотворное богатство доводов, которые приведут они, чтобы доказать, что здесь недопустимо такое-то прилагательное, и его нужно заменить, что это обнаженное бедро надо прикрыть или вовсе отрезать, что этого персонажа надо нравственно возвысить и политически пригладить, а этому дать пасть еще ниже, сделать еще немного большим подлецом, чтобы читатель не запутался и точно знал, где добро, а где зло. И совсем не сложно представить бесцветного чиновника, воцарившегося как цензора, безнаказанно вершащего свою мелкую личную месть, отыгрывающегося каждое утро росчерком пера за обиды; щелканьем ножниц за комплексы; жестоко наказывающего картину за вчерашнюю склоку с женой, истово карая книгу или фильм за несправедливые попреки своего начальника, за рога, которые ему наставил друг. Как смешно и как грустно.

Комм. Цензуру в СССР осуществлял Главлит (Главное управление по делам литературы и издательств).

Похоже, что отношение к цензору у перуанца, живущего в Европе, немногим отличалось от отношения к этому цеху у советского писателя. Натурализм и язвительный тон этого пассажи звучит в унисон и со строчками поэмы «Теркин на том свете» А.Т. Твардовского. В описанном им потустороннем мире «...в цензуру, / на повышенный оклад» отправляли тех, кто больше ни на что не годился. «Весь в поту, статейки правит, / Водит носом взад-вперед: / То убавит, то прибавит, / То свое словечко вставит, / То чужое зачеркнет. / То его отметит птичкой, / Сам себе и Глав и Лит, / То возьмет его в кавычки, /То опять же оголит» (Твардовский 2000: 190, 221).

Наверное, всегда будет сложно убедить чиновников и политиков — из любой страны, любой политической системы, — что для литературы цензура, пусть даже самая незначительная, — это смертельный яд. Это так уже хотя бы потому, что незначительной цензуры не бывает: если находится хоть одно оправдание для запрета книги, в конце концов оно найдется и для запрета мировой литературы. Если предлогом для запрета объявлена нравственность, несложно будет доказать, что все великие литературные произведения от Илиады до Улисса аморальны; если политика, окажется, что они несут вред и подрывают основы; если религия, то книгу объявят неортодоксальной, нечестивой, богохульной или непристойной. Цензура

поощряет самоуправство и приводит к абсурду. В основе ее лежит непонимание акта творения, безоглядный страх перед искусством, и идиотская уверенность в том, что книга, картина, поэма или фильм — это не более чем инструмент для политической или религиозной пропаганды, способ распространить и привить обществу лозунги и идеологию власти. На протяжении веков Католическая церковь не жалела сил, чтобы приручить людей искусства, и не разбирала средств, пуская в дело пытки, убийства, лесть и подкуп, чтобы превратить их в послушных чревоугодников, но преуспела лишь в том, чтобы сделаться их врагом. Советские власти должны были усвоить этот страшный урок, как можно скорее отправить цензоров в отставку, подыскав для них менее презренное занятие, и позволить своим писателям свободно общаться с советскими читателями, которые уже давно выросли и могут сами судить о том, где добро и где зло, где правда и где ложь, где справедливость и где ее нет. Лишь тогда СССР сможет показать всему миру свои достижения в области литературы, достижения столь же выдающиеся, как те, что он достиг в сфере науки и социальной справедливости. Ведь утверждение о том, что социализм противоречит творческой свободе, ложно. Это признает даже такое недоверчивое к левым взглядам издание, как *Times Literary Supplement*, где в редакционной статье от 8 июня говорится следующее: «Марксистская идеология не знает прецедентов цензуры, подобной советской. А кто в этом сомневается, пусть спросит кубинцев, чья литература, такая прогрессивная с 1958 года, не обнаруживает никаких признаков угнетения».

Лондон, 1967 (Vargas Llosa 2012^a)

Комм. Уже довольно скоро оптимистичный взгляд левых латиноамериканских писателей на кубинскую литературу изменило дело Эберто Падильи. Будучи одним из основателей Союза писателей и художников Кубы, он критиковал режим Кастро, подвергся преследованиям и в конце концов оказался в тюрьме. Его дело стало началом раскола и точкой невозврата для значительной части мировой интеллигенции, когда-то вдохновившейся Кубинской революцией (Albuquerque Fuschini; Miskulin). Марио Варгас Льюса оказался среди тех интеллектуалов, которые безоговорочно поддержали Падилью и в конце концов разорвали свои отношения с Кубой и социализмом (Albuquerque Fuschini: 317).

Тезис об «идиотской уверенности» (*la estúpida creencia*) властей в опасности искусства Марио Варгас Льюса повторяет не однажды и не только в отношении Советского Союза. Общаясь с кубинскими писателями в 1966 году, он опроверг их убежденность в том, что «Город и псы» был сожжен перуанскими военными потому, что представлял собой реальную угрозу для военной академии Леонсио Прадо. Книги в Латинской Америке жгут потому, сказал писатель, что здесь «не привыкли к языку критики». «В Европе “Городу и псам” не придали бы никакого значения», как не придают значения и гораздо более суровой критике³³.

33. Мы опираемся на свидетельство Сесара Леанте, к которому обращался с этой «отповедью» Марио Варгас Льюса: «Ему — закончил он благосклонно, глядя, кажется, на меня — очень бы хотелось со мной согласиться, и хотелось бы, чтобы в его произведении действительно был тот взрывной потенциал, который виделся мне, — способный взорвать не только «Леонсио Прадо», но и весь ненавистный латиноамериканский милитаризм. Но, к сожалению, это было не так. Это была всего лишь книга» (Leante 1981).

Тему страха авторитарных властей перед «живым творцом» Марио Варгас Льоса продолжил в эссе, написанном по итогам поездки в Советский Союз (Vargas Llosa 2012b). Под «живым» творцом он имеет в виду буквально живого писателя — в противоположность писателям умершим. И здесь тоже прослеживается влияние «Письма» Солженицына: ведь это он утверждал, что в России смерть неугодного писателя становится «разрешающим моментом» и возвращает читателю его имя (Солженицын 1998: 212). В 1968 году, когда Варгас Льоса поехал в Москву, у него была возможность убедиться в правдивости этого утверждения. Умерший писатель, замечает он, незамедлительно становится «классиком». Умирая, он обретает прощение. Его коллеги, которые до сих пор «не терпят упоминания о Синявском и Даниэле или сурово хмурятся, когда речь заходит о Солженицыне, тем не менее высоко оценивают Пастернака, и уже забыли фрондерство последних лет жизни Эренбурга, вспоминая только хорошего журналиста и романиста» (Vargas Llosa 2012b: 458).

Завершая размышления о цензуре, писатель еще раз настаивает, что страх властей перед словом необоснован и даже иррационален. «Цензура, стремление в той или иной форме контролировать творчество, наивно вдохновляется убеждением, что силы искусства и литературы огромны, и что они могут оказать непосредственное и непредсказуемое влияние на общество. В этом официальная советская позиция радикально отличается от позиции буржуазных государств, которые не ограничивают свободу творчества, потому что не боятся ни картины, ни книги. Они считают их безвредными» (Vargas Llosa 2012b: 458). Советские же власти, подвергая цензуре и запрещая произведения, сами сообщают им сокрушительную силу.

ЛИТЕРАТУРА

- AGUIRRE, C. (2015). *La ciudad y los perros: biografía de una novela*. Fondo Editorial de la Pontificia Universidad Católica del Perú.
- ALBURQUERQUE, G. (2009). “El pensamiento político de Octavio Paz y Mario Vargas Llosa: América Latina en el mundo polarizado”, *Anos 90. Revista do Programa de Pós-Graduação em História da Universidade Federal do Rio Grande do Sul*, 16, pp. 261–290. DOI: 10.22456/1983-201X.10246
- ALBURQUERQUE FUSCHINI, G. (2001). “El caso Padilla y la red de escritores latinoamericanos”, *Universum*, 16, pp. 307-320.
- CAUTE, D. (1988). *The Fellow-Travelers: Intellectual Friends of Communism*. Rev. ed. Yale University Press, New Haven.
- DAVID-FOX, M. (2011). *Showcasing the Great Experiment: Cultural Diplomacy and Western Visitors to the Soviet Union, 1921–1941*. Oxford University Press.
- GOYTISOLO, J. (2007). “En los reinos de Taifa” en *Obras Completas V*, Galaxia Gutenberg, Barcelona.
- GUARNIERI CALÒ CARDUCCI, L. (2015). “La insurrección permanente: gli anni Sessanta nella saggistica di Mario Vargas Llosa”, *RiMe: rivista dell'Istituto di Storia dell'Europa Mediterranea*, 14/1, pp. 83–104. DOI: 10.7410/1162
- HOURMANT, F. (2000). *Au pays de l'avenir radieux: Voyages des intellectuels français en URSS, à Cuba et en Chine populaire*. Aubier. Paris.

- LEANTE, C. (1981). “Vargas Llosa en La Habana: un recuerdo”, *El País*, 01.11.1981.
- MISKULIN, S.C. (2010). “La Revolución Cubana y el caso Padilla en las revistas *Plural* y *Vuelta*”, *Estudios - Centro de Estudios Avanzados. Universidad Nacional de Córdoba*, (23), 217-240.
- PEDEMONTE, R. (2020). *Guerra por las ideas en América Latina, 1959–1973: Presencia soviética en Cuba y Chile*. Bookwire, Ediciones Universidad Alberto Hurtado. Santiago de Chile. (versión electrónica)
- SHERRY, S. (2013). “Better Something Than Nothing: The Editors and Translators of Inostrannaia Literatura as Censorial Agents”, *The Slavonic and East European Review*, 91/4, pp. 731–58. DOI: 10.5699/slaveastorev2.91.4.0731
- STERN, L. (2007). *Western Intellectuals and the Soviet Union, 1920–40: From Red Square to the Left Bank*. Routledge.
- VARGAS LLOSA, M. (1983). “El socialismo y los tanques” [1968] en *Contra viento y marea* (1962–1982), Seix Barral, Barcelona, pp. 160–163.
- VARGAS LLOSA, M. (1967). “Epitafio para un imperio cultural”, *Marcha* (Montevideo), 1354 (mayo 27, 1967), p. 31.
- VARGAS LLOSA, M. (2012a). “La censura en la URSS y Alexander Solzhenitsin” [1967] en *Piedra de Toque I* (1962–1983), Galaxia Gutenberg y Círculo de Lectores, Barcelona, pp. 383–387.
- VARGAS LLOSA, M. (2012b). “Moscú: Notas a vuelo de pájaro” [1968] en *Piedra de Toque I* (1962–1983), Galaxia Gutenberg y Círculo de Lectores, Barcelona, pp. 452–460.
- VARGAS LLOSA, M. (2012c). “Una insurrección permanente” [1966] en *Piedra de Toque I* (1962–1983), Galaxia Gutenberg y Círculo de Lectores, Barcelona, pp. 247–251.
- БУЙНОВА, К.Р. (2021). «Марио Варгас Льоса в Советском Союзе. К 85-летию писателя», *Латинская Америка*, 7. сс. 83–93. DOI: 10.31857/S0044748X0015308-7
- ВАЙЛЬ, П., ГЕНИС, А. (2018). *60-е. Мир советского человека*. Издательство АСТ: CORPUS, Москва.
- ГОРЯЕВА, Т.М. (2009). *Политическая цензура в СССР. 1917–1991 гг.* Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), Москва.
- КОФМАН, А.Ф. (2007). «Образ советской России в испано-американской литературе», *Новые российские гуманитарные исследования*, 2, с. 10.
- КУКУЛИН, И., МАЙОФИС, М., ЧЕТВЕРИКОВА, М. (2022). «Кулуарные импровизации: социальная–342.
- [ПЕВЦОВ, Ю.] (1966 кооперация, обход правил и процессы культурного производства в позднем СССР. Статья вторая», *Новое литературное обозрение*, 3, сс. 190–228. DOI: 10.53953/08696365_2022_175_3_190
- КУЛИКОВА, Г.Б. (2003). «Под контролем государства: пребывание в СССР иностранных писателей в 1920–1930-х гг.», *Отечественная история*, 4, сс. 43–59.
- МАКСИМЕНКОВ, Л.В. (2004). «Очерки номенклатурной истории советской литературы: Западные пилигримы у сталинского престола (Фейхтвангер и другие)», *Вопросы литературы*, 3, сс. 274). «Марио Варгас Льоса. Город и псы. Перевод с испанского», *Новый мир*, 12, сс. 271.
- СЕРЕБРЯКОВА, Е.Г. (2017). «“Антисоветчик” Валерий Тарсис: поведенческая модель писателя-нонконформиста как реализация идентичности», *Вестник Томского гос. ун-та. Филология*, 46, сс. 167–174. DOI: 10.17223/19986645/46/12

- СОЛЖЕНИЦЫН, А.И. (1998). «Письмо А. Солженицына IV съезду писателей СССР (вместо выступления)» en *Слово пробивает себе дорогу: Сб. статей и документов об А.И. Солженицыне. 1962–1974, Русский путь, Москва*, сс. 211–216.
- ТВАРДОВСКИЙ, А.Т. (2009). *Новомирский дневник. Т. 2, 1967–1970. ПРОЗАиК. Москва*.
- ТВАРДОВСКИЙ, А.Т. (1998). «Письмо А. Твардовского К. Федину» en *Слово пробивает себе дорогу: Сб. статей и документов об А.И. Солженицыне. 1962–1974, Русский путь, Москва*, сс. 211–216.
- ТВАРДОВСКИЙ, А.Т. (2000). «Я забыть того не вправе...» *Поэзия. Записки. Публицистика*. Русская книга. Москва.
- ХОЛЛАНДЕР, П. (2001). *Политические пилигримы: путешествия западных интеллектуалов по Советскому Союзу, Китаю и Кубе, 1928–1978*. Лань. Санкт-Петербург.
- ЧУКОВСКАЯ, Л.К. (1998). Ответственность писателя и безответственность «Литературной газеты» en *Слово пробивает себе дорогу: Сб. статей и документов об А.И. Солженицыне. 1962–1974, Русский путь, Москва*, сс. 359–371.
- ЧУПРИНИН, С.И. (2020). *Оттепель: События. Март 1953 — август 1968 года*. Новое литературное обозрение. Москва.

BIBLIOGRAPHY

- AGUIRRE, C. (2015). *La ciudad y los perros: biografía de una novela*. Fondo Editorial de la Pontificia Universidad Católica del Perú.
- ALBURQUERQUE, G. (2009). “El pensamiento político de Octavio Paz y Mario Vargas Llosa: América Latina en el mundo polarizado”, *Anos 90. Revista do Programa de Pós-Graduação em História da Universidade Federal do Rio Grande do Sul*, 16, pp. 261–290. DOI: 10.22456/1983-201X.10246
- ALBURQUERQUE FUSCHINI, G. (2001). “El caso Padilla y la red de escritores latinoamericanos”, *Universum*, 16, pp. 307-320.
- BUYNOVA, K.R. (2021). “Mario Vargas L'osa v Sovetskom Soiuze. K 85-letiiu pisatel'ia”, *Latinskaja Amerika*, no. 7, pp. 83–93. DOI: 10.31857/S0044748X0015308-7
- CAUTE, D. (1988). *The Fellow-Travellers: Intellectual Friends of Communism*. Rev. ed. Yale University Press, New Haven.
- CHUKOVSKAIA, L.K. (1998). “Otvvetstvennost' pisatel'ia i bezotvetstvennost' «Literaturnoi gazety»” en *Slovo probivaet sebe dorogu: Sb. statei i dokumentov ob A.I. Solzhenitsyne. 1962–1974, Russkii put', Moscow*, pp. 359–371.
- CHUPRININ, S.I. (2020). *Ottepel': Sobytiia. Mart 1953 — avgust 1968 goda*. Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow.
- DAVID-FOX, M. (2011). *Showcasing the Great Experiment: Cultural Diplomacy and Western Visitors to the Soviet Union, 1921–1941*. Oxford University Press.
- GORIAEVA, T.M. (2009). *Politicheskaja tsenzura v SSSR. 1917–1991 gg.* Rossiiskaia politicheskaja entsiklopediia (ROSSPEN), Moscow.
- GOYTISOLO, J. (2007). “En los reinos de Taifa” en *Obras Completas V*, Galaxia Gutenberg, Barcelona.

- GUARNIERI CALÒ CARDUCCI, L. (2015). “La insurrección permanente: gli anni Sessanta nella saggistica di Mario Vargas Llosa”, *RiMe: rivista dell'Istituto di Storia dell'Europa Mediterranea*, 14/1, pp. 83–104. DOI: 10.7410/1162
- HOURMANT, F. (2000). *Au pays de l'avenir radieux: Voyages des intellectuels français en URSS, à Cuba et en Chine populaire*. Aubier. Paris.
- HOLLANDER, P. (2001). *Politicheskie piligrimy: puteshestviia zapadnykh intellektualov po Sovetskomu Soiuzu, Kitaiu i Kube, 1928–1978*. Lan', Saint Petersburg.
- KOFMAN, A.F. (2007). “Obraz sovetskoi Rossii v ispano-amerikanskoi literature”, *Novye rossiiskie gumanitarnye issledovaniia*, 2, pp. 10.
- KUKULIN, I., MAIOFIS, M., CHETVERIKOVA, M. (2022). “Kuluarnye improvizatsii: sotsial'naiia kooperatsiia, obkhod pravil i protsessy kul'turnogo proizvodstva v pozdnem SSSR. Stat'ia vtoraiia”, *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 3, pp. 190–228. DOI: 10.539 53/08696365_2022_175_3_190
- KULIKOVA, G.B. (2003). “Pod kontrolem gosudarstva: prebyvanie v SSSR inostrannykh pisatelei v 1920–1930-kh gg.” *Otechestvennaia istoriia*, 4, pp. 43–59.
- LEANTE, C. (1981). “Vargas Llosa en La Habana: un recuerdo”, *El País*. 01.11.1981.
- MAKSIMENKOV, L.V. (2004). “Ocherki nomenklaturnoi istorii sovetskoi literatury: Zapadnye piligrimy u stalinskogo prestola (Feikhtvanger i drugie)”, *Voprosy literatury*, 3, pp. 274–342.
- MISKULIN, S.C. (2010). “La Revolución Cubana y el caso Padilla en las revistas Plural y Vuelta”, *Estudios – Centro de Estudios Avanzados. Universidad Nacional de Córdoba*, (23), 217–240.
- PEDEMONTE, R. (2020). *Guerra por las ideas en América Latina, 1959–1973: Presencia soviética en Cuba y Chile*. Santiago de Chile. Bookwire, Ediciones Universidad Alberto Hurtado. (versión electrónica)
- [PEVTSOV, Iu.] (1966). “Mario Vargas Llosa. Gorod i psy. Perevod s ispanskogo”, *Novyi mir*, no. 12, pp. 271.
- SEREBRIAKOVA, E.G. (2017). “«Antisovetchik» Valerii Tarsis: povedencheskaia model' pisatel'ia-nonkonformista kak realizatsiia identichnosti”, *Vestnik Tomskogo gos. un-ta. Filologiia*, no. 46, pp. 167–174. DOI: 10.17223/19986645/46/12
- SHERRY, S. (2013). “Better Something Than Nothing: The Editors and Translators of Inostrannaia Literatura as Censorial Agents”, *The Slavonic and East European Review*, 91/4, pp. 731–58. DOI: 10.5699/slaveastorev2.91.4.0731
- SOLZHENITSYN, A.I. (1998). “Pis'mo A. Solzhenitsyna IV s'ezdu pisatelei SSSR (vmesto vystupleniia)” en: *Slovo probivaet sebe dorogu: Sb. statei i dokumentov ob A.I. Solzhenitsyne. 1962–1974, Russkii put'*, Moscow, pp. 211–216.
- STERN, L. (2007). *Western Intellectuals and the Soviet Union, 1920–40: From Red Square to the Left Bank*. Routledge.
- TVARDOVSKII, A.T. (2009). *Novomirskii dnevnik*. T. 2, 1967–1970. PROZAIK_Moscow.
- TVARDOVSKII, A.T. (2000). «*Ia zabyt' togo ne vprave...» Poeziia. Zapiski. Publitsistika*. Russkaia kniga, Moscow.
- VAIL, P., GENIS, A. (2018). *60-e. Mir sovetskogo cheloveka*. Izdatel'stvo AST: CORPUS, Moscow.
- VARGAS LLOSA, M. (1983). “El socialismo y los tanques” [1968] en *Contra viento y marea (1962–1982)*, Seix Barral, Barcelona, pp. 160–163.

- VARGAS LLOSA, M. (1967). “Epitafio para un imperio cultural”, *Marcha* (Montevideo), 1354 (mayo 27, 1967), p. 31.
- VARGAS LLOSA, M. (2012a). “La censura en la URSS y Alexander Solzhenitsin” [1967] en *Piedra de Toque I (1962–1983)*, Galaxia Gutenberg y Círculo de Lectores, Barcelona, pp. 383–387.
- VARGAS LLOSA, M. (2012b). “Moscú: Notas a vuelo de pájaro” [1968] en *Piedra de Toque I (1962–1983)*, Galaxia Gutenberg y Círculo de Lectores, Barcelona, pp. 452–460.
- VARGAS LLOSA, M. (2012c). “Una insurrección permanente” [1966] en *Piedra de Toque I (1962–1983)*, Galaxia Gutenberg y Círculo de Lectores, Barcelona, pp. 247–251.